

NORA
ROBERTS

Hideaway

НОРА
РОБЕРТС

Убежище

МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Р58

Nora Roberts
HIDEAWAY

Copyright © Nora Roberts, 2020
This edition published by arrangement
with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Анны Лысиковой*

Дизайн и иллюстрация на переплете *Юрия Щербакова*

Робертс, Нора.
Р58 Убежище / Нора Робертс ; [перевод с английского
А. Лысиковой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 640 с.

ISBN 978-5-04-160184-3

Кейтлин Салливан было всего девять лет, когда ее похитили. В течение многих лет она убегала от себя, от прессы, от несбывшихся надежд и разбитого сердца, чтобы этот долгий путь привел ее к родительскому дому, где ей придется встретиться лицом к лицу со своим прошлым.

Прошлое нельзя изменить, но можно изменить его значимость.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-160184-3

© Лысикова А., перевод на русский язык,
2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Посвящается семье –
той, что по крови
и той, что по сердцу.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОТЕРЯННАЯ НЕВИННОСТЬ

Нет никого важнее дочерей.

Дж. М. Барри

**Ребенок всех любит, он добрый по природе
до поры до времени.**

Фланнери О'Коннор

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Биг-Сур / 2001

Когда девяностодвухлетний Лиам Салливан умер во сне в своей постели рядом с шестидесятипятилетней женой, мир скорбел.

Умерла икона.

Он появился на свет в крохотном коттедже среди зеленых холмов и полей неподалеку от деревни Глэндри в графстве Клэр, седьмой и самый младший из сыновей Шеймаса и Айлиш Салливан. Он знал, что такое голод, и на всю жизнь запомнил вкус маминого хлебного пудинга и тумачков, которые она отвешивала, когда он того заслуживал. Дядя и старший брат пали на полях Первой мировой, а сестра, немного не дожив до восемнадцати, умерла, рожая второго ребенка.

Еще в раннем детстве Салливан познал тяжкий труд пахаря, шагая за плугом, который тянула кобыла по кличке Мун. Он научился стричь овец и забивать ягнят, доить корову и выстраивать каменную стену. И до конца своих дней помнил, как по вечерам они всей семьей собирались у камина, воздух наполнялся запахом горящего торфа, мать затягивала песню своим ангельски-чистым голосом, а отец улыбался и подыгрывал ей на скрипке.

А еще танцы.

Мальчишкой он иногда пел в местном пабе, а фермеры пили пиво и обсуждали урожай и политику. Его тенор трогал душу до слез, а ловкие ноги, пустившись в пляс, могли поднять настроение кому угодно. Но он мечтал о большем, он не хотел всю жизнь пахать поля, доить коров и уж точно не хотел собирать гроши в скромном пабе в Глэндри.

Незадолго до своего шестнадцатого дня рождения он оставил дом с несколькими фунтами в кармане. Вместе с другими искателями счастья он пересек Атлантику в тесном трюме корабля. Когда в шторм судно бросало по волнам из стороны в сторону, а воздух наполнялся запахом рвоты и страха, он благодарил Бога за крепкий желудок.

Как и положено, он регулярно писал письма родным, мечтая о том, как отправит их, когда сойдет на сушу, а в свободное время веселил попутчиков песнями и танцами.

Лиам всюду флиртовал и страстно целовался с белокурой девушкой из Корка по имени Мэри, которая держала путь в Бруклин, чтобы устроиться горничной в богатый дом. С Мэри он стоял на пронизывающем, но в кои-то веки свежем ветру, когда на горизонте возникла статная женщина с факелом в высоко поднятой руке. В тот момент Лиам решил, что жизнь его наконец-то началась. Сколько цвета, шума и суеты, какая толпа на такой небольшой клочок пространства. Нет, думал он, не океан разделяет эту страну и мою родную ферму, но целый мир.

И теперь это был его мир.

Дядя по матери, Майкл Донахью, взял его помощником мясника к себе в лавку, что располагалась в Митпэкинг-дистрикт. Его радушно приняли, обняли

и поселили в комнату с двумя двоюродными братьями. Не прошло и месяца, как он возненавидел звуки и запахи мясницкой лавки, но работу не бросил.

И продолжил мечтать о большем.

Это большее он впервые увидел, когда на заработанные с таким трудом деньги купил билеты в кино для себя и белокурой Мэри. На экране царила самая настоящая магия, ни на что не похожие миры, миры, в которых существовало все, что только может пожелать человек. Из них не доносилось скрежета косяных пил или ударов тесаков. Когда экранный мир поглотил Лиам, он позабыл даже о красавице Мэри.

Прекрасные женщины, отважные мужчины, трагедия, радость. Очнувшись, он увидел вокруг себя восторженные лица зрителей, слезы, улыбки, аплодисменты. Это еда для пустого желудка, подумал он, одеяло, которое спасает от холода, свет для измученных душ.

И года не прошло с того момента, как он, стоя на палубе, впервые увидел Нью-Йорк? — а Лиам уже отправился на запад. Он пробирался через страну, не уставая удивляться ее просторам, ландшафту и природным богатствам. Он спал под открытым небом в полях, в амбарах и придорожных забегаловках, куда его пускали переночевать за пару песен.

Как-то раз после небольшого недоразумения в местечке под названием Уичито он целую ночь провел за решеткой. Лиам научился ездить зайцем на поездах, убегать от полицейских, и, как он позже будет годами пересказывать в бесчисленных интервью, это было незабываемое приключение.

И когда спустя почти два года странствий он увидел огромную белую надпись «Hollywoodland», поклялся, что добьется славы и успеха.

Ум, голос и крепкая спина обеспечили ему пропитание. Смекалка помогла ему устроиться помощником декоратора на киностудию, а за работой он не переставал петь. Разыгрывал сцены, которые наблюдал, отрабатывал акценты, которые ему довелось услышать во время путешествия на Запад.

Эпоха немого кино ушла в прошлое, поэтому нужно было думать о звуковом оформлении сцены. Актеры, которые восхищали его своим молчанием на экране, в жизни говорили писклявыми или громоподобными голосами, а потому их звезды сгорали и падали.

Удача улыбнулась Лиаму, когда режиссер услышал, как он поет за работой ту самую песню, которую некогда немой киногерой должен был петь своей экранной возлюбленной в одной из музыкальных сцен. Лиам знал, что тот актер совершенно не умеет петь и продюсеры подумывают заменить его голос на озвучке. Лиам решил, что это шанс: он оказался в нужном месте в нужное время.

И пусть его лицо не появилось на экране, но голос заворожил зрителей. И открыл перед ним двери.

Дублер, прохожий в кадре, первая небольшая роль со словами. Строительные блоки, ступеньки, фундамент, заложенный честным трудом, талант и неутомимая энергия Салливанов — и вот у деревенского парня из Клэр уже появился агент, контракт, а карьера его началась в золотой век Голливуда, продлилась десятилетия и охватила несколько поколений.

С бойкой и популярной Розмари Райн он познакомился на съемках мюзикла — первого из пяти их совместных фильмов. Студия подогревала интерес к их роману, снабжая газетные колонки сплетен подробностями, но весь этот ажиотаж был лишним. Они

поженились меньше чем через год после того, как впервые увидели друг друга. Медовый месяц они провели в Ирландии: навещали его семью и ее родных в графстве Мейо.

Они построили роскошный особняк в Беверли-Хиллз, родили сына, а следом дочь.

Участок в Биг-Сур они купили, потому что влюбились в него с первого взгляда, как некогда влюбились друг в друга. Особняк у моря называли «Покой Салливана». Он стал их убежищем, а годы спустя — домом.

Их сын на деле доказал, что талант в семье Салливан — Райн передается по наследству. Из актера-ребенка он вырос в исполнителя главных ролей. А дочь Морин выбрала Нью-Йорк и Бродвей.

Супруга Хью погибла в авиакатастрофе, возвращаясь со съемок в Монтане, а незадолго до этого подарила Лиаму и Розмари их первого внука.

Придет время, и этот мальчик зажжет на экранах еще одну звезду Салливанов.

Эйдан, внук Лиамы и Розмари, был уверен, что, по традиции Салливанов, любовью всей его жизни окажется сияющая блондинка. Их с Шарлоттой Дюпон свадьба была блестящей во всех отношениях (фотографии напечатали в журнале «Пипл»). В подарок невесте он купил особняк в Холмби-Хиллз. А у Лиамы вскоре появилась праправнучка.

Четвертое поколение Салливанов нарекли Кейтлин. Кейтлин Райн Салливан завоевала любовь публики, когда ей еще не было и двух лет: она сыграла озорную девчущку, благодаря которой главные герои фильма «А папа пойдет с нами?» и поженились.

Критики почти единогласно признали, что маленькая Кейт переиграла исполнителей главных ролей (в том числе и свою мать) и этим наделала немало

шума в определенных кругах. Эта роль так и осталась бы для нее последним глотком детской славы, если бы в возрасте шести лет прапрадед не позвал ее на роль свободной духом Мэри Кейт в «Мечту Донована». На съемках в Ирландии она провела полтора месяца, сыграв в одной картине с отцом, бабушкой, прапрадедушкой и прабабушкой. Все реплики в кадре она произносила с прекрасным акцентом западных графств.

Фильм, ставший для Лиам Салливана последним, снискал невероятный успех у зрителей и критиков. В одном из редких интервью незадолго до смерти он, сидя под сливовым деревом в цвету, под шум вечных вод океана сказал, что, подобно Donovanу, увидел, как осуществилась его мечта. Он снял прекрасный фильм вместе с женщиной, которую любил шестьдесят лет, Хью, Эйданом и светом его жизни — Кейт.

Фильмы всегда были для него приключениями, а этот, сказал он, был подходящей пробкой к бутылке с волшебным джином его жизни.

Прохладным и солнечным февральским днем, через три недели после его кончины, вдова, семья и множество друзей собрались на ежегодный прием в Биг-Сур (Розмари настояла), чтобы воздать должное чудесно прожитой жизни.

Официальные похороны и поминки со звездами в качестве гостей и торжественными речами прошли в Лос-Анджелесе, а этот ужин должен был напомнить всем, сколько радости Лиам принес в этот мир.

Здесь были и речи, и забавные истории из прошлого, и слезы. Но была и музыка, и смех, и детские игры. Еда, вино и виски.

Волосы у Розмари, которая, по правде говоря, немного устала за день, теперь были белыми как снег,

что лежит на вершине хребта Санта-Лючия. Она сидела в кресле у камина, выложенного камнем, в комнате, которую они называли общей. Оттуда ей было видно, как играют дети: малыши вовсю резвились на зимнем ветру. А за ними раскинулось море.

Когда Хью присел рядом, она взяла сына за руку.

— Если я скажу тебе, что все еще чувствую, будто он рядом, ты решишь, что я спятила?

В ее речи, как и в речи ныне покойного мужа, все еще звучал отголосок дома.

— Ни в коем случае, ведь я тоже его чувствую.

Она повернулась к сыну: волосы у нее были коротко стриженные для удобства и красоты, а в зеленых глазах светилась жизнь.

— Твоя сестра решила бы, что мы сумасшедшие. Как меня угораздило родить на свет такую практичную дочь, как Морин?

Она взяла предложенную ей чашку чая и вопросительно подняла брови:

— Чай с виски?

— Я же тебя знаю.

— Знаешь, да не все, мальчик мой.

Розмари сделала глоток и вздохнула, затем посмотрела на сына. Так похож на отца, думала она. Чертовски красивый ирландец. У ее мальчика, ее малыша волосы уже серебрились сединой, но глаза по-прежнему сияли синевой.

— Я знаю, как ты горевал, когда потерял Ливи. Так жутко и внезапно. Кейтлин очень на нее похожа, и не только внешне. Она такая же светлая, радостная и отважная. Я снова говорю как безумная?

— Нет. Я с тобой согласен. Стоит услышать, как она смеется, и я сразу слышу смех Ливи. Она мое сокровище.